

Ирина Агапова

*12 моментов
грусти*

Книга 2. Есть имя у дождя

Ирина Агапова
12 моментов грусти.
Книга 2. Есть имя у дождя

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40276837
ISBN 9785449618740*

Аннотация

Роман «12 моментов грусти» – это мой реквием по ушедшей навсегда эпохе. 20 век, СССР, как жилось, как любилось. Книги «Июльское утро» и «Есть имя у дождя» повествуют о подростках, школе, о таинствах первой любви, о целом мире чувств и эмоций, о самых красивых и поэтичных отношениях, о грусти, одиночестве и первых разочарованиях, о становлении характеров молодых людей и о разнообразных испытаниях, выпадающих им в судьбе. А также поднимают вопросы о морали, чести и нравственности.

Содержание

Книга 2. Есть имя у дождя	5
Зима	6
Дранные кошки	6
Не буди во мне зверя, разбуди во мне зверя	28
Первый снег	44
Новогодний бал	60
Конец ознакомительного фрагмента.	81

12 моментов грусти

Книга 2. Есть имя у дождя

Ирина Агапова

© Ирина Агапова, 2019

ISBN 978-5-4496-1874-0 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-1875-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга 2. Есть имя у дождя

Не поддавайся грусти и живи от мгновенья до мгновенья. Не устремляй свои глаза в будущее – оно химерно. Не обращай назад, не живи воспоминаниями – прошлое кануло в лето. Настоящее – вот, что имеет значение и оно состоит из моментов, которые ты можешь предугадать и построить из них цепочку событий подвластных тебе.

Зима

Дранные кошки

Незаметно наступила зима. Стало рано темнеть. Задул холодный ветер и сорвал последнюю листву с деревьев. Стояла довольно мерзкая погода: температура воздуха, близкая к нулю, мелкий морозящий дождь, промозглая сырость и грязь. Не возникало никакого желания выйти на улицу. Город был сер, уныл и непригляден. В такую погоду – только дома сидеть.

Несмотря на то, что дали отопление, в комнате все же было достаточно прохладно, и Яна, укутавшись пледом и устроившись на диване, с увлечением читала братьев Стругацких, «Понедельник начинается в субботу». Книга увлекла ее своим сюжетом, полным абсурда, юмора, забавных приключений и неожиданностей. Приятное занятие прервал телефонный звонок. Она нехотя поднялась и, потягиваясь, поплелась к аппарату.

– Это Яна? – прозвучал на другом конце провода неизвестный женский голос.

– Да, – удивленно произнесла она. – А кто это?

– Неважно, – резко оборвала ее незнакомка. – Ты мерзкая, мелкая, недоделанная уродина.

У Яны полезли глаза на лоб.

– Кто это? – в недоумении еще раз спросила она.

Женщина продолжала, не слушая ее:

– Если ты не оставишь Робина в покое, то вся школа будет знать, что ты с ним трахаешься! Поняла, маленькая шлюха?

Это прозвучало как пощечина. Яна застыла в растерянности. Она трясущейся рукой положила трубку. Через несколько секунд телефон зазвонил снова.

– Ах ты дрянь, еще и трубку бросаешь! – истерически орала незнакомка.

– Пошла к черту! – крикнула Яна и опять нажала на рычаг. Прижалась спиной к стене, из глаз у нее полились слезы. Телефон звонил и звонил. Она сняла трубку, сбросила звонок и положила ее рядом.

Яне было ужасно обидно и больно от несправедливых нападков незнакомой женщины. Роберт не появлялся уже больше двух недель. «Что он еще натворил? – думала она. – А может быть, он высказался Наташке, и она мне мстит таким образом? Но голос-то не Наташкин. Что если она попросила кого-то, хотя кому это надо?..»

Яна терялась в догадках и чуть не плакала от обиды. Ну как его найти? Как спросить его, что происходит? Пожалуй, надо поговорить с Голубевой.

На следующий день Яна прибежала в школу одной из первых, что обычно было ей несвойственно. Все привыкли уже, что она всегда приходит в последнюю минуту или опаздыва-

ет. С нетерпением ожидая Сашу Погодина, у которого можно было выяснить местонахождение Роберта, Яна достала задачник по тригонометрии и хотела немного позаниматься перед уроком, но все время поглядывала на дверь и никак не могла сосредоточиться. Пришлось захлопнуть учебник.

Класс потихонечку наполнялся. Пришла Чуча, и Яна дала ей списать домашнее задание. Потом в кабинет стремительно вошел Сташевский, бросил на нее удивленный взгляд и посмотрел на часы.

Перед самым звонком к ним заглянул Вадим и позвал Яну в коридор.

– Привет! Я тебя ждал возле ворот, сильно замерз, – улыбнулся он, потирая покрасневшие руки, пытаюсь согреть их.

– Привет! Не знаю, что на меня нашло, я сегодня пришла рано.

– Что-нибудь не так? – участливо спросил Вадим.

– Нет-нет, просто так получилось, – соврала Яна.

Прозвенел звонок.

– Не уходи без меня сегодня, – попросил он и бросил на нее такой умоляющий взгляд, что она улыбнулась.

– Хорошо, до встречи. – И поспешила на урок.

В последний момент в класс заскочил Сашка Погодин, весь взъерошенный, на ходу снимая пальто. Урок тригонометрии тянулся мучительно долго. Разбирали возрастание и убывание тригонометрических функций. Материал был сложный, и класс затих в нервном ожидании, кого же выбе-

рут для экзекуции. Сташевского никогда не вызывали к доске, потому что он всегда все знал, а вот Яну вызывали часто. Клавдия Тимофеевна посмотрела в журнал, потом оглядела класс.

– Росина, что это ты замечталась? Готова отвечать? – строго спросила она.

Яна подскочила на месте от неожиданности.

– Что? Да, я могу, – она немного замешкалась, пытаясь напоследок заглянуть в учебник, но потом быстро подошла к доске, взяла мел и начала писать, объясняя:

– По тригонометрическому кругу видно, что функция синус возрастает и убывает. Аналогично рассуждая, получаем промежутки возрастания и убывания функций косинуса, тангенса и котангенса.

Сташевский медленно отвернулся от окна и перевел заинтересованный взгляд на Яну. Ей даже показалось, что он кивнул в знак согласия.

– Молодец, Росина, – похвалила ее Клавдия Тимофеевна. – Садись. Завтра у нас контрольная работа. Как вы ее напишете, такая оценка у вас будет в четверти. Понятно? – она внимательно обвела строгим взглядом из-под очков класс, и многие заерзали на месте от страха перед предстоящим испытанием.

Яна с нетерпением ждала перемены. Известие о решающей контрольной по математике никак не тронуло ее. Все мысли были о Роберте. Среди охватившего ее отчаяния

все же мелькал лучик надежды: надо узнать, где его можно найти, потом встретиться с ним, поговорить и выяснить все.

Как только прозвенел звонок, Яна подошла к Саше.

– Можно тебя на минуточку? – она стеснялась, не зная, с чего начать. Ей очень неудобно было спрашивать Погодина про Роберта.

Они отошли в сторонку.

– Что случилось, Яся? – спросил одноклассник, видя ее замешательство.

Девушка опустила глаза и спросила:

– Ты давно видел Робина? Он ходит на тренировки?

– А-а-а, – улыбнулся он, дав понять, что в курсе ее дел, – ты об этом... Давненько его не видел, но, говорят, он в пятницу приходил.

– Ты не знаешь, как его можно найти? – с трудом произнесла Яна и покраснела.

– Ты знаешь, в центре возле ЦУМа открыли новый комплекс «Белая Акация», там есть кафе-бар и ресторан на втором этаже. Говорят, он был там в прошлое воскресенье, ну и возле «Снежинки» тоже его можно найти, конечно.

– Спасибо, – тихо сказала Яна. – И еще: ты не знаешь, он продолжает ездить по пятницам в Одессу?

– Насколько мне известно, после той злосчастной аварии пока никто не ездил, – и лицо его омрачилось.

Девушка кивнула, развернулась и пошла на свое место.

– Яна, он обычно тренируется в понедельник, среду и пят-

ницу с пяти до семи, – крикнул Сашка вдогонку.

Сташевский оторвал взгляд от окна и внимательно посмотрел на девушку.

День тянулся мучительно долго. Яна автоматически что-то отвечала на уроках, писала, но все мысли были только о Роберте.

Вадим встретил ее возле класса после окончания занятий.

– Что ты такая печальная, Яся? – спросил он.

– Это погода на меня так влияет... – вымученно улыбнулась девушка. – Вадим, я хочу пойти к бабушке, мне надо встретить кое-кого, поговорить.

– Я тебя провожу? – Вадим подобострастно заглядывал в глаза.

– Да, конечно.

Он взял портфель из ее рук, и они повернули за угол школы. Сташевский посмотрел им вслед и, накупившись, быстро зашагал в сторону дома. «Она встречается с другим, а крутит с Вадимом! Не хотелось бы быть на его месте!» – подумал он, как будто уговаривая самого себя.

Вадим проводил Яну, они еще поболтали во дворе, договорились, что возобновят совместные занятия, и распрощались. Девушка вздохнула и решительно вошла в подъезд, где жила Наташа Голубева. На звонок в дверь никто не вышел – очевидно, Наташа еще не успела вернуться из института.

Потоптавшись еще несколько минут у ее двери, Яна вышла на улицу. «Пообедаю, потом зайду еще раз», – поду-

мала она. Но только она направилась к бабушкиному подъезду, как увидела, что во двор зашла Наташка. У Яны сразу же неприятно заныло под ложечкой. Она нарочито медленно повернулась, собираясь с мыслями, и подошла к Голубевой. Несколько минут они молча смотрели друг на друга в нерешительности, не зная, с чего начать. Наташка поправила волосы, упавшие ей не лицо от порыва ветра и заговорила первой:

– Я знаю, что ты рассказала Роберту о нашем разговоре. Яна гордо вскинула голову и посмотрела на нее с вызовом.

– Послушай, я была не права, прости! – И Голубева отвела глаза в сторону.

Яна стояла в растерянности, никак не ожидая услышать такое, и смотрела на нее не мигая.

Собравшись с духом, Наташа все же подняла на нее свои печальные черные глаза и, уже не отводя взгляда, продолжила говорить с трудом, вымучивая каждое слово:

– Он нехороший человек, агрессивный, грубый. Мы с тобой выросли вместе, я не хочу, чтобы ты влипла.

Эти слова поразили Яну до глубины души, но она молчала, слушала, никак не понимая, к чему клонит ее соперница, и не зная, как реагировать. А Наташа вздохнула, и глаза ее наполнились слезами:

– Он меня чуть не побил. Если бы не Борис и Сева, он бы меня точно стукнул. Ох, ты бы видела его глаза... Злые, холодные как льдинки и такие жестокие... Я ужасно испуга-

лась.

– Наташа, не понимаю... Я правда ничего не понимаю, – только и могла промолвить Яна. – Мне звонят с угрозами, оскорбляют, говорят, чтобы я оставила Роберта в покое...

Наташка удивленно смотрела на нее.

– Ты думаешь, это я? Нет, ты что! – она прижала руки к груди. – Между нами больше ничего нет. Я начала встречаться с Борисом. А Роберта я боюсь.

Они помолчали.

– Яна, на него девки так и вешаются, он очень красивый, властный, и этим пользуется. Очевидно, есть еще кто-то, а может, и не одна. Будь осторожна, – совершенно искренне предупредила ее Наташка.

Яна была в полном недоумении:

– Ты понимаешь, у нас с ним совсем другие отношения. То, что ты мне сейчас рассказываешь, – как будто это совсем не о нем, а о каком-то постороннем и незнакомом мне человеке. И кроме всего, что значит оставить его в покое? Он же сам ко мне звонит и приходит. Я даже не знаю, где он живет. Чего они хотят от меня? Если честно, не знаю, что и думать!

– И я не знаю. Мне нечего тебе больше сказать. Будь осторожна, Яна, – еще раз повторила Наташка, попрощалась, опустила голову и зашла к себе в подъезд.

Яна в полном смятении поднялась к бабушке. «Если это не Наташка, так кто? Надо с ним увидеться. Если он до конца недели не появится, пойду его искать», – решила она.

Роберт так и не давал о себе знать. Саша Погодин тоже не видел его на тренировках. Он как сквозь землю провалился. Яна была в отчаянии, на душе скребли кошки, она не знала что и думать. Сам сказал «люблю» – и сам бросил. Как это можно объяснить вообще?

В субботу Яна с Чучей пошли искать Роберта. На троллейбусе они доехали до «Снежинки», подежурили там полчаса. Он не появился. Зато они встретили знакомых и уже большой компанией решили съездить в новый кафе-бар «Белая Акация», посмотреть, что же это такое.

Найти это место было совсем несложно. От «Снежинки» пришлось проехать на троллейбусе всего одну остановку. Новый комплекс находился в самом центре города – в старом здании, примыкающем к главной улице. Несмотря на то, что часы показывали всего восемь вечера, в баре было полно народу, что, впрочем, и неудивительно, учитывая, что был выходной день. В основном здесь тусовалась молодежь постарше, но были и подростки лет шестнадцати-семнадцати.

Яна осмотрелась. Интерьер самый обычный: барная стойка, куча столиков, бильярдный стол, танцплощадка. Вся мебель абсолютно новая, но в самом углу за стойкой бара стоял старенький, выдавший виды бобинный магнитофон, из которого звучал рок семидесятых. Хотя бар и не отличался особой изысканностью, он был очень уютным и сразу понравился местной молодежи. В этот холодный декабрьский вечер там было особенно многолюдно. Совершеннолетние и не очень

потягивали пиво и закусывали соленой рыбкой. Чуча с девочками направились искать свободный столик, а Яна подошла к зеркалу поправить волосы. Она была одета в ярко-синие велюровые джинсы, закатанные до середины голени и открывающие изящные сапожки на платформе, и в бирюзовый свитер, подчеркивающий ее глаза цвета моря. В руках Яна держала сумку и меховую коричневую курточку с капюшоном.

Подойдя к столику, который заняли девочки, Яна повесила на спинку стула сумку и куртку, встряхнула светло-рыжими длинными кудрями и села, закинув ногу на ногу. На нее сразу стали обращать внимание. За стойкой бара сидели какие-то ребята. Как только Яна вошла в зал, они обернулись и с интересом начали рассматривать и обсуждать ее.

– Янка, во-первых, те, что за стойкой, мне что-то не нравятся, прямо уставились и ржут чего-то, – с опаской сказала Светка.

– Не смотри на них, – попросила Яна.

– Слушай, здесь все что-то кушают, – Чуча нервно заерзала на стуле, – надо и нам взять. А за соседним столиком какие-то девки что-то жуют, а сами с тебя глаз не сводят и тоже шепчутся. Посмотри, ты никого не знаешь?

Яна осторожно обернулась туда, куда ей указала Светка, и увидела Настену. Ей пришлось кивнуть в знак приветствия, потому что та неотрывно сверлила ее взглядом.

– Я с ней знакома, это девушка Эдика, брата Роберта, –

сказала она Чуче. – А вот кто с ней, я не знаю.

Настена сидела за столиком вместе с Дашей и еще с двумя какими-то девицами. Они пили пиво, курили и болтали.

– Даша, видишь, вот его малолетка. Ишь, кудри распустила, – Настена указала на Яну.

Даша, не скрывая любопытства, в наглую разглядывала свою соперницу. И чем больше она на нее смотрела, тем больше у нее портилось настроение. Перед ней сидела юная, очень красивая девушка с умными светлыми глазами, гордой осанкой и манерами леди. Она ей напомнила аристократку, а еще больше – принцессу, с виду беззащитную, но с какой-то нестигаемой внутренней силой и страстью. Даша все больше и больше теряла самообладание. «Да, такие, как эта, останавливают взглядом, – подумала она и горько вздохнула. – Теперь понятно, почему она так нравится Роберту».

В это же самое время предмет ее воздыханий подходил к «Снежинке» и думал, как он соскучился по Яне – она для него словно глоток свежего воздуха. Рядом притормозила новенькая синяя «тройка», стекло опустилось, и какой-то парень крикнул из окна автомобиля:

– Роберт, привет! А чего ты не в «Белой Акации»?

– Привет, Миша, я думал позже подойти, – нехотя ответил Роберт. Он недолюбливал этого парня. Считал его выскочкой, который тратит папины деньги и при этом всегда долго торгуется, считая каждую копейку.

– Сегодня там рыбка хорошая, и тосты с сыром вкусные,

и еще для друзей пиво бесплатное.

– Это в честь чего такое? – Роберт отвернулся.

– А ты что, не знаешь? – Мишка самодовольно заржал.

– Да ты че, б-ть, ходишь вокруг да около? Говори прямо или проваливай! – отрезал Роберт. И так хреново на душе, так еще этот сытый хлыщ прицепился.

– Да не кипятись ты, просто Серега отвоевал место бармена у Хромого, так он друзей угощает. И Яну твою я видел, она только что подошла, – добавил Миша.

Роберт оживился.

– Когда ты ее видел, говори! С кем? С кем она была?

– Только что видел! – он удивленно посмотрел на Роберта. – Я не заметил, с кем...

– Эй, с тобой все в порядке? – спросил второй парень, сидящий рядом с водителем. От их внимания не ускользнуло, что Робин занервничал и сжал челюсти так, что желваки заходили у него на щеках. – Хочешь, мы тебя подвезем?

Роберт сел в машину, извинившись за резкость.

– Ребята, до сих пор нахожусь в ауте после аварии. Никак в себя не приду.

– Да ладно, братан, проехали, – примирительно махнул рукой Мишка.

– Я тебе не братан, – буркнул Роберт.

Он зашел в бар и остановился, осматривая зал. Именно в этот момент, повинувшись какому-то шестому чувству, Яна подняла глаза и увидела его, стоящего в толпе возле входа.

Ее сердце на секунду замерло, а затем часто-часто забилося. Она судорожно вздохнула. Взгляды присутствующих моментально обратились в сторону вошедшего. Такие, как он, всегда привлекают к себе внимание. Он был настолько ярким и излучал такое спокойствие, мужественность и какую-то необъяснимую внутреннюю силу, что сразу же становился центром притяжения. Он к этому давно привык и уже не обращал никакого внимания, видимо, принимая как должное, что мир мгновенно начинает крутиться вокруг него.

Их глаза встретились, и Роберт одарил Яну пылким взглядом. Она вздрогнула, кровь прихлынула к лицу, окрасив щеки в багровый румянец.

– Ян, он здесь, – шепнула ей Чуча.

– Я вижу, – кивнула девушка.

Роберт, не отрывая от любимой горящих глаз, проталкивался сквозь толпу. Даша, Настена и девчонки за их столиком также заметили его появление. Даша приподнялась и помахала ему рукой, но он, казалось, этого даже не заметил. Или сделал вид, что не замечает. Расстроившись, Даша села на место и с завистью смотрела, как Роберт подходит к Яне.

– Привет! – он поцеловал ее в щеку и удивленно спросил: – Что ты здесь делаешь, малыш?

– Привет! Пришла посмотреть новое место, – соврала Яна, а сама подумала: «Дурень, тебя ищу!» Глаза ее светились, а душа ликовала.

Взяв ее за руку, Роберт смотрел на нее с нежностью и лю-

бовью, не в силах отойти, словно прирос к ней.

– Я к Сереге, – с трудом оторвав от нее взгляд, проговорил он. – Поздравлю с началом работы и возьму чаю с бутербродами. Я замерз сильно. Что ты будешь, детка? Хочешь тоже чаю?

– Да, возьми мне с лимоном, пожалуйста, – попросила Яна.

– Света, а тебе? – спросил Роберт.

– Мне тоже, – сказала Чуча, а потом, запнувшись, добавила: – С бутербродом, мы не успели покушать.

Роберт направился к Сереге. Ему пришлось сильно постараться, чтобы протиснуться к стойке. Ребята, которые сидели у бара, переглянулись: ах, вот она, девушка Робина, слава богу, что не подкатили к ней, а то бы накостылял, он такой.

– Светка, я отойду в туалет на несколько минут, – сказала Яна и поднялась. На самом деле ей просто очень хотелось еще раз посмотреться в зеркало и привести себя в порядок. Она не заметила, как Даша и две ее спутницы поднялись и направились вслед за ней.

Яна набрала воды, прополоскала рот и выплюнула в раковину. Подняв глаза, посмотрела в зеркало. В отражении она увидела недобрый, тяжелый взгляд Даши. Яна сразу почувствовала что-то неладное, у нее неприятно заныло под ложечкой. Инстинктивно девушка направилась к выходу. Но Даша преградила ей дорогу, а две девицы стали по бокам.

– Некрасиво таким маленьким девочкам шляться по ба-

рам, – с издевкой сказала Даша, и Яна узнала голос женщины, звонившей ей с угрозами по телефону. Она онемела от страха. Но, как обычно бывало в минуты волнения, не съехала, а наоборот, выпрямила плечи и открыто встретила взгляд соперницы, чем еще больше разозлила Дашу.

– Что вылупилась, дура малолетняя? Вали домой, прямо сейчас, поняла? – Даша все больше и больше заводилась. – Надя, иди принеси ее вещи, – приказала она одной из девиц.

– Не тебе решать, когда мне идти домой, – с вызовом и нажимом произнесла Яна, гордо вскинув голову, хотя голос ее при этом дрогнул.

– Ошибаешься, сейчас я решаю.

Даша сощурила глаза и подошла к ней ближе. Яна отступила к умывальнику и уперлась спиной в раковину, но вдруг резко сделала шаг в сторону по направлению к выходу. Однако соперница ее опередила.

– Ты сейчас пойдешь домой, сука, чтоб через минуту духу твоего здесь не было! – зло прошипела она. Даша была чуть ли не на голову выше Яны и смотрела на нее сверху вниз. – И больше никогда не подойдешь к Роберту... Поняла? Он мой!

Яна побелела от ужаса и неожиданно для себя толкнула Дашу. Та не ожидала такого выпада и размахнулась, чтобы дать Яне пощечину. Девушка увернулась и проскользнула под ее рукой. Но была схвачена за волосы. От боли Яна вскрикнула и ударила соперницу ногой.

– Держи ее, Таня, – властно приказала второй девице Даша. – Ты посмотри, какая дрянь.

Они вцепились друг другу в волосы и завизжали, как две драные кошки.

В это время Надя подошла к стулу, на котором сидела Яна, молча взяла ее куртку с сумкой и собралась уходить.

– Куда это ты направилась с чужими вещами? – с удивлением спросила ее Чуча.

– Яна решила уйти домой, – бросила та через плечо.

– Что ты гонишь? – Чуча поднялась, пытаясь остановить Надю. Но та быстро скрылась в толпе. Светка поняла, что происходит что-то неладное. Столик, за которым сидели девочки, следившие за Яной, опустел, и Чуча с тревогой стала искать глазами Роберта. Она увидела, как он разговаривает с барменом и ждет, пока ему приготовят бутерброды.

– Роберт! – крикнула ему Светка. С необычайным для своей комплекции проворством она протиснулась к нему сквозь толпу. – Роберт! Что-то случилось с Яной!

В это время один из парней подошел к Сереге.

– Там в туалете девки дерутся.

А другой сказал:

– Кажется, там твою знакомую бьют.

Роберт сорвался с места. За ним побежали насмерть перепуганная Чуча и ребята, которые сидели у стойки.

Возле входа в туалет собралась толпа, все с интересом главели на драку. Перед взором удивленных зрителей развора-

чивалась следующая картина: Даша лежала на полу, извиваясь и матерясь, отбивалась от Яны, которая сидела сверху и колотила ее по лицу:

– Я тебе покомандую, дрянь! Ты меня еще не знаешь! Дрянь, дрянь! Будешь оскорблять меня? Будешь?

Роберт подскочил к ней, загреб ее в охапку, поднял и с трудом оттащил. Яна была в истерике.

– Что здесь происходит? – только и смог спросить Роберт. От волнения он побледнел, на лбу запульсировала жилка. Повернув Яну к себе, с ужасом увидел, что у нее из носа течет кровь. Хотел обнять, но она оттолкнула его и начала колотить кулаками в грудь. Он придержал ей руки.

– Это все из-за тебя, из-за тебя она на меня напала, и оскорбляла, и домой мне звонила с угрозами, – кричала Яна, трясясь от перевозбуждения и избытка эмоций.

Роберт опешил и ослабил хватку. Яна сразу же залепила ему пощечину.

– Разберись со своими девками! Пусть оставят меня в покое! – И, заплакав, выбежала на улицу.

Роберта никогда и никто не бил по лицу, тем более девушка, да еще и при всех. Собралось полно народу, все главели на эту сцену с нескрываемым любопытством. Роберт несколько секунд стоял в ступоре, держась за щеку, а потом, нахмурившись, обратился к Чуче:

– Где ее куртка и сумка?

Чуча указала глазами на Надю. Он вырвал у той из рук

Янины вещи и быстро выскочил из бара.

Девушка шла по улице, не чувствуя холода, согнув плечи, рыдая в голос и размазывая слезы и кровь под носом. Роберт догнал ее, накинул на плечи куртку и пошел молча рядом, боясь заговорить и притронуться к ней.

– Детка, – робко начал он, – я же не знаю, что произошло, что ты на меня так набросилась? – голос его дрогнул.

Яна перестала плакать, только всхлипывала, потом несколько раз судорожно вздохнула и посмотрела на него.

– Иди сюда, – сказал Роберт, притягивая ее к себе. В его голосе и взгляде было столько нежности и заботы, что все остатки тревоги и страха стали куда-то улечиваться.

«Что же он делает со мной?» – пронеслась мысль. «Он гипнотизирует меня» – вторая мысль была более осознанной. «Не надо поддаваться...» – третья уже была какой-то ленивой и посторонней. Яна прильнула к Роберту и несколько минут постояла в его объятиях, успокаиваясь, чувствуя себя защищенной. Потом резко отстранилась.

– Иди ты к черту! – сказала она в сердцах и быстро, не оглядываясь, зашагала прочь.

Он опешил, в недоумении постоял несколько минут и догнал ее.

– Постой! Дай мне помочь тебе! – он крепко ухватил ее за плечи и развернул к себе. Их взгляды встретились.

– Ну все, приехали, – вздохнув, сказала Яна, снова попав в плен его глаз. – Что ты хочешь от меня?

– Я хочу, чтобы ты без меня больше не ходила ни в какие значные места, – веско проговорил Роберт.

– Да что ты говоришь? – съехидничала Яна. – Тебе не кажется, что я была сейчас с тобой? И это не помогло! Пока ты не пришел, было все спокойно, все произошло только с твоим появлением!

Роберт снял с шеи свой красный шарф и стал очень бережно и осторожно вытирать ее лицо.

– Завтра распухнет нос, надо срочно приложить лед, – не обращая никакого внимания на ее тираду, бормотал он как бы самому себе.

– Что я скажу маме? – испугалась Яна. Она пока не чувствовала боли.

– Слава богу, Дашка тебе ничего не сломала, та еще слониха, – продолжал Роберт, радуясь, что ему удалось сменить тему.

– Да, слониха, а сказала мне: «Убирайся отсюда, он мой!», – с возмущением выпалила Яна.

– Ага, пусть помечтает, – Роберт, нахмурившись, продолжал вытирать ее.

– У тебя с ней что-то было? – вдруг резко спросила Яна, отстранившись и прищуриив глаза, внимательно следя за его реакцией.

Он в замешательстве посмотрел на нее и тут же отвел взгляд.

– Ну что ты, детка? Как можно, – засопел он, стараясь вы-

глядеть спокойным. Потом решил снова быстро сменить тему: – Как же ты с таким носом пойдешь в школу?

– Ты мне зубы не заговаривай! – строго и властно одернула его Яна. Он чуть не подпрыгнул на месте от ее голоса и тона, не терпящего возражений. – Отвечай! – она буравила его взглядом.

Роберт не знал что сказать, с ним никто не смел так разговаривать. Девушка смотрела прямо ему в глаза. Он почувствовал, что смущается, и разозлился.

– Это что, допрос? – Роберт предпринял последнюю попытку отшутиться.

– Сначала Наташка, теперь эта Дашка, кто еще есть в твоём гареме? Кто меня еще захочет оскорбить, ударить, а может быть, даже убить? – распалялась Яна.

– Детка, их может быть целый легион... Ну и что?

Она посмотрела на него с удивлением и поняла, что он не намерен серьезно реагировать на ее слова. Роберт помог ей надеть куртку, завязал сверху свой красный шарф, как завязывают ребенку, и они медленно побрели в направлении ее дома.

– Ты пойми, Яна, кому-то может быть плохо только потому, что ты есть! Знаешь, сколько завистливых людей, особенно женщин? Они не могут смириться с тем, что кто-то может быть лучше и получает больше внимания.

Девушка притихла и внимательно слушала.

– Это нас так учили в школе, что все одинаковые, но на са-

мом деле все разные. Рожденный ползать летать не может! И я радуюсь от того, что ты есть! А кто-то плачет от этого. Тебе в жизни предстоит настоящая борьба, и тебя ждут серьезные испытания, несравнимые с этой дракой, о которой в скором времени ты скорее всего будешь вспоминать с улыбкой! Тебя будут ненавидеть только за то, что многие вещи даются тебе легче, чем другим. Есть такие твари, которые этого не прощают. Ты вызываешь зависть, Яна. Ты находишься под прицелом внимательных недобрых глаз, и первый камень всегда полетит в твой огород, о тебе будут распускать гадкие сплетни, радоваться твоим неудачам... Но ты не должна отчаиваться. Ты сильная девочка. Будь выше этого и не обращай внимания. Если тебе завидуют, значит, ты чего-то стоишь в этой жизни! Ты должна гордиться этим, потому что ты – личность!

– Ты тоже... – тихо сказала Яна и опустила глаза.

Роберт ухмыльнулся:

– Я все это прочувствовал на своей шкуре и заплатил сполна.

Девушка стала замерзать. Он заметил это, и они сели в троллейбус. Кроме всего, на нее навалилась такая дикая тяжесть и опустошенность после страшной нервотрепки и нелепой драки, что она просто падала от усталости, и Роберт ее еле дотащил домой.

– Не пропадай, – попросила Яна. – Ты мне нужен.

– Ты мне тоже нужна, детка. Я буду появляться, только

не ходи больше по вечерам никуда без меня.

– Ага, значит, я «не ходи», а сам? – возмутилась Яна.

– Маленький, ты мне закрыла дорогу туда. Как я покажусь после твоей пощечины? – Роберт потер щеку и улыбнулся. – Иди скорей домой, чтобы мама не подумала, что это я тебя, – и он посмотрел на ее припухший нос. – Приложи лед, и до свадьбы заживет.

Не буди во мне зверя, разбуди во мне зверя

Придя домой, Яна сочинила историю, как она скатилась с лестницы, ушиблась и разбила нос. Мама была в ужасе.

– Слава богу, что ничего не сломала, – сетовала она. – Нечего ходить на платформе.

– Ма! Было очень скользко, мокрые ступеньки у входа в кафе, – Яна врала и сама удивлялась, как складно у нее получается. «Только бы не переборщить, – со страхом думала она, – а то сразу же догадается». – Мам, я пока в школу не пойду, пусть опухоль сойдет, пожалуйста, – умоляла она, бросая на мать жалостливые взгляды.

– Конечно, доченька. Скоро каникулы. Когда у вас новогодний вечер?

– 26 декабря.

– К этому времени все пройдет, – успокоилась Дина Павловна.

Утром, посмотрев в зеркало, Яна отметила, что нос не так сильно и распух. Почти незаметно, значит, завтра можно будет идти в школу. Это ее обрадовало, не хотелось сидеть дома перед новогодними праздниками. Мысли плавно перетекли к Роберту. Вот раньше она просто жила как все, обычной жизнью! Но неожиданно появился он, и все изменилось! Мир перевернулся. Чувства обострились, все вокруг

стало ярче, а иногда, наоборот, мрачнее. Яна все ощущала, воспринимала и переживала по-другому намного эмоциональней и глубже. Она вспомнила первую встречу, знакомство с ним, длинные разговоры... Казалось, они так подходят друг другу: им никогда не было скучно вместе, они не могли насмотреться друг на друга, им нравилась одинаковая музыка, в чем-то они были даже похожи. И все же что-то мешало двум влюбленным быть вместе... Ей так хотелось, чтобы он думал о ней все время, так же, как и она о нем, чтобы скучал, любил и никогда не отпускал...

Звонок телефона отвлек ее от размышлений.

– Маленький, как ты? – с тревогой спросил Роберт. – Я всю ночь не спал, думал о тебе...

– Привет, – Яна усмехнулась: телепатия! – Я только о тебе вспомнила, и ты позвонил. Все лучше, чем я предполагала. Я вчера долго прикладывала лед, и теперь почти ничего незаметно, только болит, когда дотрагиваюсь...

– Это хорошо, я надеялся, что все будет путем, – вздохнул Роберт. – Ты прости меня, что вовлек тебя в мою далекую от совершенства жизнь, тебе абсолютно некстати все это. У тебя совсем другой мир, и он намного прекрасней, чем мой.

– Мой мир сейчас неотделим от твоего, Роберт, хочешь ты этого или нет. Я уже там, внутри, и ничего с этим поделать не могу. Ты нужен мне, слышишь? Таким, какой ты есть, – она сказала это очень уверенно, совершенно как взрослая

женщина, и Роберт почувствовал, что она имеет какую-то неуловимую власть над ним, но еще не до конца осознал, какую.

– Это ничего не меняет пока, – он постарался придать своему голосу твердость. – Ты должна делать то, что должна. А там будь что будет! Всему свое время. Я умею ждать, Яна. Только и ты меня дождись.

– Что значит «дождись»? – удивилась девушка.

– А то и значит, детка, что ты еще растешь, и меняешься очень быстро, прямо на глазах взрослеешь. Пока эмоции тебя захлестывают, но, может быть, скоро все пройдет, и ты поймешь, что я не тот, кто тебе нужен. Впрочем, время все расставит по местам.

– Перестань, ты тоже еще растешь, люди растут до двадцати пяти лет, разве ты не знаешь? – улыбнулась Яна и почувствовала, как он тоже улыбается на другом конце провода.

– Могу я все же тебя попросить о чем-то? – тут же посерьезнел Роберт.

– О чем?

– Прошу тебя, не ходи ты по вечерам никуда. У меня складывается впечатление, что ты притягиваешь к себе неприятности, и я боюсь за тебя.

В голосе его было столько мольбы и заботы, что она уже в душе почти решила согласиться.

– Роберт, но то же я могу сказать и о тебе...

Он перебил:

– Что ты сравниваешь? Я сам принимаю решения и отвечаю за них, я могу постоять за себя... Ну хорошо, без меня никуда не ходи, – вдруг согласился он.

– Где ты? – спросила Яна. – Приходи, поговорим.

– Я не знаю, – замылся он. – Ты сможешь выйти?

– Нет, ты поднимешься ко мне, никого нет. Приходи.

Ее уверенный тон не оставил возможности для возражений. Роберт даже на мгновение растерялся. Яна кинулась приводить себя в порядок. Как всегда, она очень волновалась перед встречей с любимым. В полном смятении десять раз бегала смотреться в зеркало. Ее трясло, коленки подгибались. Как же она ненавидела это состояние, но никак не могла взять себя в руки. Глаза горели, щеки пылали, ее лихорадило.

Тем не менее, когда Роберт позвонил в дверь, Яна была в полном ажуре. На несколько секунд застыв возле зеркала, кинулась открывать. Прямо на пороге молодой человек схватил ее в охапку и крепко обнял. Каждой клеточкой своего тела, Яна почувствовала, как сильно он по ней соскучился. От него пошла такая мощная и жаркая волна желаний, что она, не понимая, что с ней происходит, ощутила, как ее накрывает, захлестывает какая-то неведомая сила, так, что у нее мгновенно закружилась голова и подкосились ноги.

Не успела она об этом подумать, как Роберт с жаром зашептал ей на ухо:

– Девочка моя, не могу долго без тебя. Вроде бы вчера ви-

делись, а кажется, целая вечность прошла! Маленький, девочка моя! Каждая моя клеточка хочет тебя... – он все еще крепко прижимал ее к себе и никак не мог надышаться ею.

– Осторожно, нос... – жалобно попросила Яна и высвободилась.

– Ой, прости, покажи. – Он отстранился и посмотрел на нее. – Визуально почти незаметно, завтра вообще ничего не будет видно.

– И тело побаливает, – пожаловалась девушка, – как после тяжелой тренировки, ну а так ничего. Я забыла, когда в последний раз дралась... – Она вздохнула и горько усмехнулась.

Они переместились в гостиную и сели на диван.

– Так что же все-таки произошло вчера? – с интересом спросил Роберт. – Дашка прячется от меня, я хотел с ней разобраться, а она как сквозь землю провалилась.

– Она мне звонила, угрожала, оскорбляла, требовала, чтобы я тебя оставила в покое. А потом в баре набросилась на меня, кричала: «Он мой! Он мой!» Как будто я тебя наручниками приковала.

– Приковала! – пошутил Роберт и сложил руки, сдаваясь. – Но я добровольно согласен надеть наручники прямо сейчас, я готов быть твоим пленником, – и засмеялся.

– Ты не смейся, я знаю, что ты с ней спал, – выпалила Яна и пристально на него посмотрела.

Роберт сверкнул глазами и спрятал их под ресницами. Он

ничего не ответил, вместо этого уставился на ее губы. Что-то неудержимо росло между ними, неодолимо тянуло друг к другу, и казалось, что уже нельзя больше сопротивляться. Яна почувствовала странную слабость, разливающуюся по всему телу, голова закружилась, все исчезло, кроме его блестящих глаз и мягких губ. Взгляд его затуманился, и он все ближе и ближе наклонялся к ней не в силах больше сопротивляться своим чувствам и желаниям. Она вся прижалась к нему, обвивая его шею руками, и притянула к себе. Он не удержался, уперся руками на диван и навис над ней. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Роберт опустил локте, устраиваясь поудобней, пальцы другой руки мягко скользнули, ощупывая и изучая Янино лицо. Большим пальцем он провел по губам, очерчивая контур, и она почувствовала, как он замер и перестал дышать, неотрывно и с жадностью смотря на ее губы. Она слышала, как его сердце зачастило, и мгновения растянулись в бесконечность. Яна провалилась в сладкую истому, и больше ничего не могла видеть кроме его полуоткрытых губ. Ей нестерпимо хотелось, чтобы он наклонился и поцеловал ее.

«Поцелуй меня. Давай! Ну же!» – мысленно то умоляла, то приказывала она, теряя контроль над собой.

Глаза Роберта подернулись пеленой, дыхание участилось, и он с жадностью припал к ее губам, не в силах больше сопротивляться обуявшим его чувствам. Жилка на лбу набухла и запульсировала, в такт ударам его сердца. Яна просто

задыхалась от избытка и остроты ощущений. Он целовал ее со все нарастающей страстью, она не выдержала и застонала. Роберт вздрогнул: ее стон всегда приводил его в неопи-суемое волнение. Он приподнялся и открыл глаза. Секунду помедлив, помотал головой, приходя в себя и возвращаясь к действительности. Взгляд его постепенно становился все осмысленней, в глазах промелькнула непоколебимая решимость.

– Нет, не сейчас... маленький, нет... – Он отстранился и сел, проводя руками по лицу и волосам, стряхивая наваждение. – Я не могу. Мы не должны спешить... Я в состоянии подождать...

Яна тоже приподнялась, приходя в себя. Погладила его по спине.

– Ну, что, что опять? – участливо спросила она, заглядывая ему в лицо. Роберт тяжело вздохнул и усмехнулся.

– Что «опять», Яна, все то же... Хочу тебя, нестерпимо сильно! – сказал он с надрывом. Маленькая жилка все еще пульсировала у него на лбу, выдавая его возбуждение. – Я хочу раздеть тебя, стащить с тебя трусики и стать с тобой одним целым. Ты не представляешь, что со мной творится. Ты разбудила во мне зверя. Меня разрывает на части. Я еле сдерживаюсь, я просто на грани!

Он резко встал и ушел в ванную. Яна откинулась на подушку и закрыла глаза. «Что же я делаю? Меня так неудержимо влечет к нему, что я ничего вообще не соображаю, моз-

ги просто плаваются. Я теряю контроль и хочу, хочу этого зверя в нем», – вздохнула она.

Роберт вышел из ванной и сел в кресло. Она приподнялась и хотела подойти к нему.

– Сиди где сидишь! – властно сказал он. Яна в нерешительности застыла.

– Почему? – с удивлением спросила она.

– Во мне сейчас дремлет зверь, Яна, подойдешь – разорву нафиг на части! – прорычал он. Щеки его горели, глаза лихорадочно блестели, лицо почему-то осунулось и было очень хмурым.

Девушка инстинктивно почувствовала его состояние и замерла, боясь пошевелиться и даже вздохнуть.

– Я не знаю как быть, детка! Уже все вроде бы сказано. И что я не тот, кто тебе нужен, и что мы не должны встречаться, и что ты должна держаться от меня подальше. Я стараюсь не видеть тебя... часто... Это как наваждение. Наркотическая зависимость, блин, – Роберт усмехнулся.

– Слушай, я хочу быть с тобой. Я очень тоскую без тебя, – прошептала она, зардевшись и опустив глаза.

– Да, я все знаю, но я не выдерживаю, понимаешь? Против природы не попрешь! Это все равно что когда ты умираешь от голода, перед тобой ставят тарелку с самой вкусной едой, ты смотришь на нее, подносишь ложку ко рту, а тебе говорят «Нельзя!». Ты понимаешь?

– Да, – прошептала Яна и улыбнулась.

Они помолчали и несколько секунд внимательно смотрели друг на друга.

– Это все равно когда-нибудь между нами случится... – продолжил Роберт задумчиво. – Но не сейчас. Нельзя, чтобы сейчас... Так будет неправильно... – казалось, он убеждал самого себя.

– Ты сводишь меня с ума, – Яна вздохнула. – Я тоже этого хочу, очень, я просто не знаю, что это, боюсь... Только инстинктивно чувствую, что это будет прекрасно. И я хочу этого только с тобой... – она зажмурилась, испытывая стыд от своих слов. Когда открыла глаза, он смотрел на нее очень серьезно, обдумывая услышанное, потом улыбнулся:

– Правда? Мне очень приятно. Но понимаешь, детка, это не просто удовольствие, это еще ответственность за жизнь и счастье другого человека. Я несу ответственность за тебя, как старший и как мужчина, – он сказал это очень уверенно. – И только тебе решать, кто будет у тебя первым...

Яна с благодарностью и обожанием посмотрела на него.

– Ты знаешь, я тебя очень ревную, – вдруг сказала она, и лицо ее омрачилось. – Ко всем эти Дашкам, Наташкам и ко всем остальным женщинам мира.

– Правда? – Роберт снова улыбнулся. Видно, и это ему очень понравилось. – Ну что ты, детка. Ты не должна, право, не стоит. Я тоже готов всех твоих вздыхателей малолетних просто порвать на части.

– Наташа ведь очень красивая девушка, и ей уже девятна-

дцать лет, – сказала Яна.

– Перестань, она для меня ничего не значит, поверь. Ты не должна думать об этом. Неужели ты не чувствуешь? Если бы все было по-другому, я сегодня бы уже с тебя сорвал одежду, и все... – глаза Роберта вспыхнули, и он уставился на нее откровенным взглядом. Яна смутилась, и ее снова накрыло жаркой волной. Потом неожиданно для себя девушка рассмеялась.

– Ах, ты не боишься, а ну иди сюда! – Роберт схватил ее, поднял на руки и перекинул через плечо. Они повозились немного, посмеялись, а потом сели, прижавшись друг к другу.

– Кстати, а что с Новым годом? Где ты будешь встречать? – спросил он.

– Это наш последний год вместе, мы решили праздновать всем классом, без посторонних. У Сережи Орлова – частный дом, и он пригласил всех к себе. Каждый принесет из дома все что может, немного денег соберем и подкупим что надо. Ой, так грустно, – Яна вздохнула. – Мы уже десять лет вместе, а некоторых ребят я знаю еще с пеленок. С Сережкой Орловым и Сашей Погодиным я ходила вместе в ясли, потом садик. А с Сережкой мы сидим за одной партой прямо с первого класса.

Роберт внимательно слушал, и лицо его тоже почему-то стало очень грустным.

– А у меня ничего этого не было, Яна, – вздохнул он.

– Почему? – удилась она.

– Я все время был на сборах, – сказал и отвернулся, глаза его потухли.

– А где ты будешь праздновать?

– Борис пригласил, у него дома гуляем.

– Наташка стала встречаться с Борисом, это правда? – ей было неприятно говорить об этом.

– Да, мне кажется, я не спрашивал и не вникал...

– Так она тоже будет с вами? – девушка начала нервничать.

– Я не знаю, вполне может быть.

Яна нахмурила брови и закусил губу, все ее переживания отразились на лице. Роберт это заметил и засмеялся:

– Хочешь, я тебя в час ночи заберу?

– Да, очень, – теперь лицо ее сияло и от этого стало еще прекрасней.

– Ну все, договорились, – он никак не мог налюбоваться ею. – Яська, я пойду. У меня еще куча дел. Если будет время, на неделе заскочу к тебе в школу. – И он осторожно поцеловал ее в нос.

Когда Роберт вышел на улицу, уже смеркалось. Погода стояла мерзкая, слякотная. Сырость пробирала до костей, и еще припустил мокрый снег с дождем. Он поежился от пронизывающего ветра, приподнял воротник куртки и заспешил домой по холодным и мрачным улицам. На пути изредка встречались хмурые уставшие люди с ничего не выра-

жающими лицами.

Подходя к дому, Роберт увидел молодую женщину, тащившую две тяжелых авоськи с продуктами. За ней еле поспевал мальчуган лет трех. Уцепившись ручонкой за подол материнного пальто, он тихо похныкивал и семенил своими ножками, шлепая по лужам. У женщины онемели руки от холода и тяжести, да и малыш почти промок и замерз. Роберт увидел эту картину, и сердце его сжалось. Он подскочил к женщине.

– Давайте помогу, я вас часто вижу, вы, наверное, здесь живете.

Он взял малыша на руки и забрал одну из авосек.

– Ой, спасибо, – та засмушалась. – Ты Роберт, брат Эдика, мы виделись несколько раз, я подруга Настены.

– Ах, вот откуда вы мне знакомы! Ну, малыш, как тебя зовут? – ребенок притих у него на руках и обнял его своими ручонками.

– Захайка, – просюсюкал мальчонка, уткнувшись мордашкой ему в плечо.

– Как? – удивился Роберт и прыснул от смеха.

– Захай, ты похо сисись? – пролепетал мальчик.

– Захар зовут, – перевела его мать и улыбнулась, с нежностью смотря на сына.

– А меня Роберт!

– Ёбет, – повторил за ним мальчик.

– Какой умница! – Роберт рассмеялся и украдкой бросил

взгляд на женщину. – А вас как зовут?

– Зеня, – ответил за нее малыш.

Его мать снова улыбнулась.

– Можно на «ты», – предложила она.

Они подошли к нужному дому.

– Действительно, – заметил Роберт, – я живу через дорогу от тебя. Соседи.

Они поднялись в квартиру. Юноша осмотрелся. Сразу бросились в глаза чистота и порядок, а главное, здесь было тепло, между тем как Роберт изрядно продрог. Обстановка очень простая и скромная: минимум мебели, старенький продавленный диван, старомодный сервант с посудой, обеденный стол, накрытый клеенкой, несколько разношерстных стульев, потертые дорожки на полу. Ничего примечательного и интересного.

– Эта квартира и вся мебель достались от бабушки, – перехватив взгляд Роберта, пояснила Женя.

– Ага. Ну, я пойду, пожалуй.

Она засуетилась.

– Спасибо тебе большое, давай я тебя чаем напою, а потом пойдешь.

Роберт рассматривал ее с интересом. Симпатичная высокая женщина лет тридцати, с короткой копной черных волос, карими глазами и смуглой нежной кожей все больше и больше вызывала его симпатию. Лицо ее зарумянилось, глаза светились. Двигалась она очень быстро и резко, как дикая кош-

ка. Роберт помог раздеть малыша. А Женя уже накрывала на стол, и все спорилось у нее руках.

– Ты живешь одна, без мужа? – неожиданно спросил он.

– Я разошлась с ним сразу же, как родился Захарка.

– А, понятно. А чем ты занимаешься?

– Я работаю воспитательницей в детском саду. – Она разговаривала с ним, параллельно готовя малышу кашку и накрывая на стол.

Роберт повозился с Захаркой, поиграл с ним, потом несколько раз подбросил его, и малыш зашелся веселым смехом:

– Исё, исё, – кричал он, смеясь.

Женя с нежностью смотрела на них обоих:

– Мальчики, готово, идите к столу.

Она все успела, даже приготовила ужин для Роберта. Все уселись за стол.

– Выпьешь что-нибудь? – и женщина потянулась за водкой.

– Нет, я не пью. Спорт и алкоголь несовместимы, – совершенно без пафосно, очень просто ответил Роберт, чем несказанно удивил Женю.

За ужином они смеялись, шутили и вместе кормили Захарку. Когда хозяйка подала чай, Роберт вдруг понял, что ему мучительно хочется остаться здесь и выпустить укрощенного и усмирленного зверя, дремлющего сейчас в его теле. Нерастроченная энергия неудержимо рвалась наружу.

Женя почувствовала это и все прочитала у него по глазам. Ведь она давно обратила на него внимание. Когда он проходил мимо, все думала: «Боже, какой красивый мальчик!» А сейчас этот мальчик сидит рядом и очевидно хочет ее.

Они провели бурную ночь и, обессиленные, заснули под утро. Роберт проснулся от плача ребенка и не сразу понял, где он находится, мутным со сна взглядом обвел комнату. Спихватился, потянулся и резко вскочил, тут же уселся, прикрывшись одеялом, и начал лихорадочно искать свою одежду. Женя вошла в комнату и улыбнулась.

– Вот, все твои вещи я аккуратно сложила на стуле, – она с нежностью смотрела на него.

Роберт слегка смутился под ее взглядом и нахмурил брови, стараясь не подавать виду.

– Ты что, стесняешься? – прыснула Женя. – Все, выхожу-выхожу, не буду тебя смущать.

Парень быстро оделся и уже направился было за курткой, как она остановила его:

– Подожди, позавтракай с нами, выйдем вместе...

– Нет, спасибо, я не буду, надо домой, – поспешно прервал ее молодой человек.

– Ты придешь еще? – уже не так уверенно продолжила хозяйка. – Мне очень хорошо было с тобой. Давно ни с кем я такого не чувствовала...

Роберт улыбнулся. Ему было приятно услышать это от взрослой женщины.

– Я приду, мне тоже было хорошо. – Потом, посерьезнев, немного помолчал, неожиданно резко развернулся к ней и посмотрел прямо в глаза. – Но, прошу, не строй никаких планов, не ищи меня и не надейся ни на что. Я в твоей жизни лишь транзитный пассажир, потому что через полгода уеду из этого города. Если тебя это устраивает, я буду приходить.

У порога Роберт снова остановился и обернулся:

– И еще. Вот дверь. Если что-то не нравится, я могу в нее только один раз войти и один раз выйти.

Он ушел, оставив Женю в полном недоумении. «Ну и ну, – подумала она. – Вот так мальчик. Мужик! Ну и самомнение!»

Первый снег

А в школе всю готовились к новогоднему балу. В спортзале нарядили огромную елку. По потолку пустили гирлянды, по стенам колыхалась мишура из фольги, то и дело врываются в гулкий зал обрывки музыки из динамиков. Уроки никто не учил, все бродили с отсутствующим видом, в глазах вспыхивали огоньки нетерпения. Все ждали 26 декабря.

Яна ходила на репетиции каждый день, готовилась к выступлению на праздничном вечере. При всей занятости и школьных нагрузках эти хлопоты были очень приятными, в душе росло ожидание какого-то сказочного новогоднего чуда. Хотелось настоящей зимы, сугробов, ледяных горок, хотелось покататься на санках, но снега все не было. И вот на одном из уроков, во время контрольной по физике, за окнами вдруг повалил снег. Белые хлопья сыпались тяжело и торопливо, плотной шторой заволакивая все вокруг. Все уставились в окно.

– Ну, здравствуй, первый снег! – сказал Валерий Яковлевич и улыбнулся. – Посмотрели? А теперь продолжаем, контрольную никто не отменял.

И все снова уткнулись в тетрадки, но на душе было мучительно радостно от этого события. Не терпелось поскорее выйти на улицу, вдохнуть морозного воздуха, пробежаться по скрипучему нежному покрову и поиграть в снежки, пря-

мо как в детстве.

На большой перемене Яна накинула пальто и выскочила на школьный двор. Уже прилично намело, но снег продолжал падать большими белыми хлопьями, накрывая все вокруг плотным пушистым ковром. И среди этого белого великолепия она увидела до боли знакомую одинокую фигуру, прислонившуюся к дереву. Роберт стоял весь облепленный снегом и смотрел на нее. Яна быстро спустилась по ступенькам.

– Привет! – сказала она.

– Привет! – ответил Роберт, смахивая снежинки с ее волос и надевая ей капюшон.

– Вот это сюрприз: то пропадаешь неожиданно, то так же неожиданно появляешься. Первым снегом тебя и принесло, – Яна не могла сдержать радости и широко улыбалась.

– Ты можешь уйти с уроков?

– Не знаю, – засомневалась она. – А что?

– Обожаю снег, я его очень долго ждал. Пойдем в парк, я тебя покатаю на санках.

Его синие глаза умоляюще смотрели на Яну. Отказать было невозможно, и решение пришло спонтанно.

– Иди за ворота, жди меня, я сейчас.

Яна пулей понеслась в класс, схватила портфель и на ходу бросила Сережке:

– Если спросят, скажи, что к нам гости приехали неожиданно, родители на работе, поэтому я ушла без предупре-

ждения, – соврала Яна.

– Хорошо, – удивленно пробормотал Сережка.

Девушка выскочила из класса, в дверях столкнувшись с Юлькой.

– Куда это она? – с интересом спросила Юлька у Яниного соседа по парте.

– К ним гости приехали, – ответил он.

– А-а-а! Видели мы этих гостей, – ехидно хмыкнула Юля и направилась к выходу из класса.

Сташевский развернулся от окна и выставил свои длинные ноги в проход между партами. Юлька попыталась обойти его, но безуспешно.

– Убери ноги, Алик, дай пройти, – попросила она.

– Сдавать пойдешь? – ослабился Сташевский, уставившись на нее своим колючим взглядом.

– А тебе-то что? – с вызовом произнесла девушка и задрала подбородок.

– Не надо быть подлой, Волкова, – спокойно сказал Алик и сощурил глаза.

– Уж больно мне надо, слишком много чести для этой Росиной, – фыркнула та в ответ.

– Дело не только в Росиной, ты стучишь на всех, – громко и членораздельно произнес парень.

У Юльки глаза на лоб полезли от столь неожиданного и прямого обвинения. Класс мгновенно отреагировал. Все как по команде перестали галдеть и в полной тишине по-

вернулись в Юлькину сторону. Во взглядах одноклассников сквозили неприкрытая ненависть и презрение. Пристыженная девушка густо покраснела и уселась за парту, демонстративно отвернувшись к стене.

– О, нашли крысу! – выкрикнул Сашка Погодин и с отворачиванием сплюнул на пол.

Яна промчалась через школьный двор, проскочила через ворота и попала прямо в объятия Роберта.

– Ну, умничка, иногда можно и прогулять, тем более перед каникулами, – радостно сказал он.

– Где мы санки найдем? – спросила девушка.

– Поверь, найдем, в парке будет много детей, мы одолжим!

У юноши был очень озорной вид, глаза горели, его просто распирало от восторга.

– Куда бы нам твой портфель деть? – вслух размышлял Роберт.

– Может, заскочим ко мне домой? Бросим портфель, я надену джинсы и куртку, – предложила Яна.

– Жалко время терять. Ну, погнали быстрее.

Роберт забрал у нее портфель, и они побежали, взявшись за руки. Яна быстро переделалась, они сели на троллейбус и поехали к парку.

Город выглядел уже по-новогоднему. Люди спешили за покупками. Магазины пестрели новогодней мишурой, и почти из каждой витрины приветливо улыбались Деда Морозы и Снегурочки. Искусственные елки, аляповато укра-

шенные всевозможными игрушками, создавали ощущение таинственной зимней сказки. Все сверкало и искрилось в предвкушении главного праздника.

У входа в парк красовалась большая наряженная елка, на вершине которой горела огромная красная звезда. Серебряный снег кружился над городом, хлопьями падал им на головы, на крыши домов и на деревья.

Роберт снял перчатку, набрал снега в руку и вздохнул:

– Как я скучаю по настоящей зиме! У нас там были лютые морозы, и снег лежал аж до поздней весны, я катался на коньках, играл в хоккей, это было так давно, в моем далеком и счастливом детстве.

Лицо его стало отрешенным и очень грустным. Яна невольно залюбовалась им. «Какой он красивый, просто до невозможности!»

– Не грусти! – сказала она с улыбкой. – Лучше посмотри, красота-то какая, – и Яна вздохнула морозный воздух полной грудью.

Вокруг было белым-бело. Все застыло в нереальной тишине и спокойствии, даже можно было услышать, как, падая, шелестят снежинки. Парк был совершенно пустым. Они шли по безлюдной широкой аллее, снег приятно хрустел под ногами, и метелица заметала за ними следы. Яна побежала вперед, закружилась, раскинув руки, плюхнулась в сугроб, изображая снежного ангела. Роберт улыбнулся и повалился с ней рядом. Полежали немного, открыв рты и пробуя снежинки

на вкус, потом он наклонился, поцеловал ее очень нежно, перевернул и положил на себя. Она смотрела на него сверху и, не в силах больше сдерживаться, начала осыпать его лицо поцелуями. Потом они рассмеялись и начали кататься в снегу, дурачиться как дети, пока их борьба снова не превратилась в объятия. Пар от их дыхания перемешивался в морозном воздухе. Роберт навис над Яной и смотрел, как тают снежинки у нее на лице, как широко распахнуты ее глаза. Он наклонялся все ниже и ниже, пока их лица не соприкоснулись, и поцеловал ее, почувствовав на своих губах вкус снега.

– Ну что, Снежная Королева, идем в Комсомольский парк, там обычно дети катаются с горки, попросим у них санки.

Смеясь и ликуя, они побежали по аллее к выходу из парка. Влюбленным было так хорошо вместе, целый мир принадлежал только им, и все вокруг было создано только для них двоих. Души были наполнены радостью и восторгом, глаза светились счастьем, щеки разрумянились, молодые люди улыбались и не могли насмотреться друг на друга.

Катание на санках – любимое занятие малышей зимой, особенно в южном городе, когда выпадает так мало по-настоящему снежных дней. Тогда все целыми семьями спешат насладиться зимними радостями. Дружно идут на горки и детские площадки, катаются всласть, играют в снежки и лепят снежных баб.

Роберт с Яной подошли к одному из крепостных валов в Комсомольском парке. Там дети с визгом и смехом скаты-

вались и кувыркались в снегу. Роберт напрувился к мальчишкам, что-то им сказал и помахал Яне рукой. Девушка подбежала и с удовольствием взобралась на санки. Роберт повез ее в горку. Потом уселся сзади, обнял ее за талию и, оттолкнувшись ногами, закричал мальчишкам:

– Разойдись!

Санки, набирая скорость, помчались вниз. У Яны от восторга перехватило дух, ветер засвистел в ушах, а они неслись и неслись, поднимая снежную пыль. Санки занесло на повороте, и ребята, не удержавшись, свалились в сугроб. Еще повозились и повалялись, поиграли в снежки, слепили несколько снежных баб с детишками. Потом Роберт катал мальчишек и Яну, поднимая их в горку и вместе с ними слетая на санках вниз.

Они спохватились, когда уже начало темнеть.

– Ты проголодалась, наверное? – спросил Роберт, и Яна поняла, что он сам очень хочет есть. – Идем в ресторан, пообедаем.

Они направились к выходу из парка, отряхиваясь от снега.

– Куда мы? – спросила Яна.

– К Сереге, в «Белую Акацию». Он нас накормит, – ответил Роберт.

В баре было тепло и уютно. Серега встретил ребят очень радушно.

– Ну что, сделать вам бутерброды, или вы подниметесь в ресторан? – спросил он.

Яна вопросительно посмотрела на спутника.

– Ну, как ты хочешь, детка? Я бы съел горячего супчика, – его лицо приобрело блаженное выражение.

– Роберт, если хочешь, тебе принесут прямо сюда, я попрошу, – предложил Серега.

– Да, – сказала Яна. – Лучше здесь, если можно, я тоже буду суп.

Бармен отошел распорядиться по поводу их обеда.

– А что, здесь тоже можно обедать? – поинтересовался сидевший рядом парень, попивая пиво.

– Я не думаю, – ответил Роберт, – лучше спроси у работников заведения.

– Нет, здесь не обедают, – сухо ответил вернувшийся Серега. – Если хотите, поднимитесь в ресторан. – И, обращаясь к Роберту, сказал с улыбкой: – Садитесь, ребята, за столик, вам сейчас принесут.

– Это для тебя такие привилегии? – подняла брови Яна.

Роберт довольно улыбнулся.

– Без связей никак нельзя, – и подмигнул ей.

Они выбрали уютный столик в углу у окна.

– Так что, Яна, какие успехи у тебя в школе? Идешь на медаль? – спросил молодой человек, с аппетитом уплетая куриный суп с домашней лапшой.

– Я очень стараюсь, – девушка подула на ложку с дымящимся супом. – Такая голодная, но не могу есть горячее.

– А я люблю горячее.

Яне не удалось сменить тему, потому, что он продолжил снова:

– Надо отсюда валить и жить в большом и самом красивом городе Советского Союза, пользоваться всеми его возможностями и благами. Между прочим, в Ленинграде больше всего вузов, это студенческий город, тебе можно выбрать, куда поступать.

– Угу, – промычала в ответ Яна, с жадностью откусывая хлеб. Его назидательный тон был слегка некстати.

Мороз разрумянил их щеки, и после прогулки на холодном воздухе аппетит разыгрался не на шутку. Ели с наслаждением.

– Это действительно так вкусно, или я просто был голодный? – спросил Роберт. Он разомлел от горячего супа и начал согреваться.

– Вкусно-вкусно, правда, хотя я тоже очень голодная.

Яна совсем расслабилась. Но Роберт снова заговорил о серьезном, а ей ну никак не хотелось ничего обсуждать.

– Чего ты хочешь в жизни, ты уже определилась? – спросил он.

В эту минуту Яна не знала, чего хочет и к чему бы хотела стремиться, поэтому растерялась и не сразу нашлась с ответом.

– Что ты задумалась, детка? Не к светлому же коммунистическому будущему тебе стремиться? – Роберт криво усмехнулся. – Ты же можешь мне признаться, о чем ты меч-

таешь, не бойся.

Яна вздохнула» Ага, вот так все и скажи! И чего прикопался?»

– Ну, если совсем честно... – Она замялась, а потом выдала ему самую сокровенную мечту: – Если совсем честно, я бы хотела быть актрисой.

Выпалив это, девушка зарделась от смущения и опустила глаза. Роберт перестал есть и несколько секунд смотрел на нее не мигая:

– А чего ты стесняешься? Ты красивая, умная, поешь, танцуешь, у тебя вполне может получиться. Внешность подходящая. Я тебя поддерживаю.

– Мама смеется, говорит, если быть артисткой, так только известной и знаменитой, а так ни к чему, – Яна замялась.

– Детка. Ты же пока не знаешь, тебе ведь всего шестнадцать с половиной, может, ты будешь самой знаменитой, надо только верить в это и стремиться к своей мечте. Я в тебя горячо верю, – Роберт улыбнулся. – Если не сейчас, то когда? Не бойся, что не получится. Бойся, что не попробуешь.

– Отлично сказано! – восторженно воскликнула Яна и послала ему полный обожания взгляд. Каждую его фразу она помнила и хранила в своей душе, а потом с удовольствием повторяла в разговоре с другими, выдавая за свою...

– Ну а чего бы ты еще хотела?

– Может быть, это уже более приземленно. Например, стать модельером или художником-дизайнером.

– Ах, ты еще и рисуешь, – засмеялся Роберт. – Чего еще я о тебе не знаю? Но что бы ты ни решила, ты сможешь найти только в Питере – мне старое название города больше импонирует, чем Ленинград, – хмыкнул он. – Там можно выбрать вуз и учить все, что тебе нравится. А что мама говорит? – Осторожно спросил он.

– Ну, мама говорит, чтобы я поступала в наш университет на экономическое отделение.

– О-о-о, ну это же совсем скучно! Маленький, это не для тебя.

Яна засмеялась.

– Есть еще полгода, чтобы подумать. А почему ты не идешь учиться? – вдруг спросила девушка.

Роберт вздрогнул и отвернулся.

– Понимаешь, детка... – замялся он. – Человек не ценит то, что ему дано, и понимает это только тогда, когда теряет. Так и я: вечные сборы, тренировки, какие-то бесцельные гульки... Спорт отнимал у меня все время, и я видел себя в сборной Советского Союза. В то время я думал: зачем мне учиться? И так умный, все у меня есть, а будет еще больше, все успею, когда стану знаменитым хоккеистом. Будет-то оно будет, но уже что-то совсем другое, а то, что должно было быть, уже никогда не будет... И мне от этого муторно на душе. Я очень много чего не успел и уже не успею, не догоню, даже если бежать буду быстро. – Роберт вздохнул и грустно улыбнулся. – Яна, надо жить с умом, но на полную катушку,

и ничего не откладывать на завтра...

Девушка хмыкнула:

– Говоришь ну точно как мама!

Она хотела спросить, есть ли у него аттестат и как он окончил школу, но в это время вмешался Серега.

– Ребята, хотите еще чего-нибудь? – участливо спросил он. – Может, кофе?

– Будешь кофе? – спросил Роберт, и Яне показалось, что он с облегчением вздохнул.

– Да, а потом пора собираться домой. – сказала она. – Сколько времени?

– Да уже скоро восемь, – ответил Роберт и с беспокойством посмотрел на Яну.

Они попили кофе, быстро оделись и вышли из кафе.

Подходя к подъезду, Роберт спросил:

– 26 декабря у вас новогодний бал для выпускников. Говорят, ты там петь будешь, можно прийти послушать?

Яна засмушалась.

– Я не знаю, если тебя пропустят...

– Я прорвусь, – улыбнулся он. – Но если ты не хочешь, я не приду.

– Ну что ты! Приходи!

– Договорились, – сказал Роберт.

Яна направилась в подъезд. Он задержал ее.

– Можно я тебя еще раз поцелую? – спросил и одарил ее таким взглядом своих синих глаз, что отказать было просто

невозможно. Девушка прильнула к нему. Роберт нашел ее губы и нежно прижался, потом с сожалением отпустил и подтолкнул к подъезду.

– Иди, был совершенно замечательный день! Такой, как в детстве! С первым снегом тебя, детка!

Когда Яна зашла в квартиру, было уже почти девять вечера.

– Откуда это ты такая румяная? – с сарказмом спросила мама.

– Катались с ребятами на санках! – весело ответила Яна, снимая сапоги.

– С какими это ребятами? – в голосе Дины Павловны мелькнула строгость.

– Из класса, – уже с меньшим энтузиазмом продолжила Яна и насторожилась.

– Знаешь, дорогая моя... – мама смотрела в упор и сверлила ее испепеляющим взглядом, – ты уже совсем завралась! Мне звонила ваша завуч, Надежда Александровна, и сказала, что ты сбежала с уроков с парнем! Позволь мне догадаться, с каким! – И зловеще продолжила: – Меня вызывают в школу. Радуйся!

Яна обомлела и застыла на месте.

– Как ты только не понимаешь? Он делает мне назло, доказывая, что мои слова ничего не значат! Вот с уроков надумил сбежать! – с надрывом сказала Дина Павловна. – Он управляет тобой как марионеткой! А сам шляется по бабам,

и ты это все терпишь, как малолетняя дура!

Слезы уже текли у Яны по щекам, а мама страшно злилась.

– Хватит! – рявкнул папа. – Хватит на нее орать и оскорблять! Дай ей дышать! Посмотри, какой у нее здоровый румянец, давно такого не видел. Она каталась на санках, что в этом плохого? Это полезно для здоровья! Надо больше гулять на свежем воздухе, а она постоянно сидит в душных помещениях и учится, учится! Хватит нам одного профессора!

Мама остолбенела и только часто заморгала глазами.

– Я же хочу как лучше! – в сердцах выкрикнула она.

– Ну и чего ты добилась своим «как лучше»? Чего добилась? А? – продолжал с возмущением папа. – Что они шастают по подъездам и врут?

– Ну пусть сюда приходит! – в отчаянии выпалила мама.

– Он уже не придет! – выкрикнула Яна сквозь слезы.

– Ах, какие мы гордые! – саркастически процедила Дина

Павловна, цокая языком и качая головой.

– А что ты хочешь, чтобы он был тряпкой? – сказал папа и опустил глаза. – Иди, дочка, я разберусь.

Яна была в шоке. Такой выпад в адрес мамы! Этого она никак не ожидала. Девушка встала на цыпочки, поцеловала отца и, победоносно глянув на мать, скрылась у себя в комнате, шмыгая носом.

Роберт не спеша шел по заснеженным улицам, любясь зимним пейзажем. Снег одел в белое покрывало крыши до-

мов и ветки деревьев, скрипел под ногами. Воздух был свежим и морозным. Роберт улыбнулся прошедшему дню. Как приятно иногда почувствовать себя ребенком! Такой день, как сегодня, словно повернул время вспять и перенес его в беззаботное снежное детство, где нет проблем и все так понятно, просто и прекрасно. Так хочется снова поверить в чудеса, смеяться по всяким пустякам и радоваться незначительным мелочам.

До закрытия он успел зайти в магазин и купить шоколадных конфет. С нетерпением развернув одну, откусил кусочек и, смакуя, закрыл глаза от наслаждения, почувствовав восхитительный сладковато-горький вкус шоколада с чуть заметным ароматом сливок.

«М-м-м, вкусно, точно как в детстве», – улыбнулся про себя Роберт и вздохнул. Он шел туда, где его ждали, когда бы он ни пришел.

Женя открыла дверь, и глаза ее радостно заблестели.

– Ой, Роберт, заходи. Ужинать будешь?

Она засуетилась, помогая гостю раздеваться. Он нахмурился, потому что терпеть не мог подобострастия.

– Захарка спит?

– Да, только уложила.

– Жаль, я ему конфеты принес, очень вкусные, «Мишка на севере». Скажешь, что это от меня. Я ведь ему обещал.

– Конечно. Будешь чай? – она смотрела на него с обожанием.

– Да. Можно.

Но до чая дело не дошло. Они сразу же пошли в спальню.

Утром, как всегда, Роберт ушел не позавтракав. Женя, убирая постель, вдруг увидела пятьдесят рублей на столе и закусила губу. Конечно, ей катастрофически нужны были деньги, она еле сводила концы с концами, а тут сразу половина ее зарплаты, но она же не какая-то там шлюха, которой платят за ночь... Она не знала что делать. Но деньги, тем не менее, оставила себе.

Новогодний бал

Ночью снег подтаял, а утром подморозило. Яна вышла на улицу. Ну вот, гололеда еще не хватало! Пришлось идти медленно, чтобы по дороге не растянуться во весь рост, а она как всегда опаздывала в школу.

Вадим ждал Яну возле ворот. Увидев, как она осторожно ступает, боясь поскользнуться, заспешил навстречу и, взяв из рук портфель, бережно поддержал ее за локоть.

По дороге прокатились на скользанке и осторожно пошли дальше. Поддерживая друг друга, ребята зашли во двор, где им предстояло подняться чуть в гору до ступенек. Не пройдя и половины пути, Вадим поскользнулся и потащил за собой Яну. Друзья на пару растянулись прямо посередине школьного двора. Яна оказалась сверху. Несколько секунд они в недоумении смотрели друг на друга. Потом прозвучало одновременно:

– Ты не ушибся?

– Ты не ушиблась?

– Со мной все в порядке. – Яна попыталась подняться, но вдруг увидела, как Вадим устало закрыл глаза, побледнел, и губы его стали совсем белыми.

– Вадик, что с тобой? – девушка наклонилась над ним и легонько ударила по щеке. – Вадик, Вадик! Очнись! – И в каком-то внезапном порыве, вероятно, от охвативше-

го ее беспокойства, поцеловала парня. Он открыл глаза, посмотрел уже более осмысленно, неожиданно обхватил рукой её шею и наградил ответным поцелуем в губы. Затем скривился от боли, застонал и закрыл глаза. В эту минуту все перемещалось у нее в голове, и она почувствовала себя так, как-будто бы ее уличили в чем-нибудь очень постыдном.

Вся школа с любопытством наблюдала за этой картиной из окон. К упавшим уже бежали несколько учителей во главе с директором.

– Скорее, помогите! – увидев их, закричала Яна, стоя на коленях перед лежащим Вадимом, не успев прийти в себя после его поцелуя.

«Боже мой, все это видели» – сгорая от стыда, думала она, не зная как себя вести. Ее мучило не само событие, а как она будет выглядеть в глазах окружающих. Прибежала школьная медсестра с нашатырем и присела перед пострадавшим на корточки:

– Не вставай, сейчас приедет скорая, у тебя может быть сотрясение.

– Ну, мне уже лучше, – простонал Вадим, смотря на Яну. – Я могу встать.

– Лежи, – девушка с испугом остановила его и погладила по волосам. – Я поеду с тобой в больницу, – а сама боялась поднять глаза, на столпившихся вокруг них людей.

– Не трогай его, – одернула Яну медсестра. – Что у тебя болит, Вадик?

– Правая рука, вся от плеча онемела. М-м-м, – пожаловался он.

– Вадим, я сейчас приду, только предупрежу, что я еду с тобой, – не встретив ни у кого осуждающих взглядов, Яна с облегчением вздохнула, скользя, кое-как добралась до ступенек и зашла внутрь здания.

10 «А» наблюдал за всей этой сценой из окон и когда Яна, как ветер, влетела в аудиторию, Саша Погодин не удержался:

– Полянский поцеловал Росину и потерял сознание, ха-ха-ха!

Весь класс незло засмеялся. Яна вспыхнула как спичка:

– Что вы такое несете? – возмутилась она, мгновенно став серьезной. – Человек упал, он не терял сознания, может быть, руку сломал, а вы смеетесь и выдумываете на ходу.

– Гм, гм... Ничего, что в классе есть учитель, и это урок физики, между прочим? – напомнил о себе Валерий Яковлевич.

Все притихли. Яна смутилась:

– Здравствуйте... Извините, я должна поехать с Полянским в больницу.

– Хорошо, Росина, пусть еще Алик Сташевский с тобой поедет. Ты не возражаешь, Алик? – обратился к нему Валерий Яковлевич.

Тот согласно кивнул.

– Они там все передерутся. Можно я тоже поеду? – опять пошутил Саша Погодин, и все снова засмеялись.

– Нет, Саша, – оборвал его физик. – Сташевский знает материал, а ты нет. Так что вопрос решен.

Яна вышла из класса и услышала за спиной торопливые шаги Алика.

– Я думаю, Вадим обрадуется, когда увидит тебя, – фыркнула девушка.

– Я, конечно, мог бы и не пойти... – саркастически хмыкнул он. – Но я пойду!

– Назло ему? Или зачем? – вспыхнула она.

– Во-первых, я не собираюсь перед тобой отчитываться, Росина, а во-вторых, не я вызвался в провожатые, ты же знаешь, как было. Так что...

– Ладно, только не воспитывай меня, – уже более миролюбиво согласилась Яна.

– Вечно с тобой что-то происходит, все не как у людей, – продолжал ворчать Алик.

– Зато ты у нас весь такой обычененький, прямо серая мышка, – съязвила девушка.

– Между прочим, совсем неплохо быть серым кардиналом, оставаться в тени, но влиять на события, – невозмутимо заметил Алик.

– Ах, так вот к чему ты стремишься? Так все же ты властолюбив? Но хочешь делать все чужими руками, оставаясь в тени? Умно, но нечестно.

– Хм, все относительно, Росина, все относительно. Кроме черного и белого, есть еще оттенки серого и других цветов,

нельзя понимать все буквально, – криво усмехнулся Сташевский.

– Да уж, тебя понять нелегко, – вздохнула Яна.

Спускаясь со ступенек, она вцепилась ему в локоть, боясь поскользнуться. Алик напрягся и превратился в робота. Лед успели посыпать песком, параллельно сделав техничке выговор за то, что утром не успела привести двор в порядок.

Ребята подошли к Вадиму. Его за это время подняли и усадили на стул. Скорая еще не приехала. Вид у Полянского был ужасный, он сидел с мертвенно-бледным лицом и кривился от боли.

– Вадик, ну как ты? – участливо спросила Яна.

– Что он здесь делает? – Вадим метнул негодующий взгляд на соперника, нахмурил брови, но тут же застонал.

– Его Валерий Яковлевич направил вместе со мной, – нарочито спокойно пояснила девушка.

Сташевский стоял и отрешенно смотрел в никуда. Приехала скорая помощь, Вадима погрузили в машину.

– Еще два сопровождающих, – распорядился директор, и Яна с Аликом сели рядом с врачом.

В больнице Вадима осмотрел хирург и направил на рентген. У больного оказался вывих плеча, и он, закрыв глаза, мучился от нестерпимой боли. Потом ему вправляли плечо, и сопровождающие слышали, как он кричит. Яна закрыла руками уши и, зажмурившись, прижалась к груди Сташевского. Тот сначала поднял было руки, чтобы ее обнять,

но они так и повисли в воздухе. Чувствуя себя абсолютно глупо, Алик стоял как истукан и ненавидел себя за свою нерешительность.

Вадим вышел сам, с рукой наперевес. В глазах стояли слезы.

– Ничего, жить буду. Сказали, неделю сидеть на больничном, а у нас сегодня новогодний бал, вот досада!

– Ничего, Вадим, мы тебя сейчас отвезем домой, – заботливо засуегилась Яна. – А завтра я приду тебя проведать и все расскажу.

Вадим никак не мог скрыть своего расстройства, так и стоял со скорбным выражением лица. Плечо болело, несмотря на обезболивающий укол, и он все время морщился.

Только они собирались выходить из больницы, как приехала мама пострадавшего, она запыхалась и была очень встревожена. Направившись прямо к сыну, она попыталась обнять его.

– Мама, осторожно! – предостерег ее Вадим, и та испуганно отстранилась. – Познакомься, это Яна и Алик Сташевский.

– Вера Сергеевна! – представляясь, женщина с интересом разглядывала Яну. Потом в порыве кинулась к ней.

– Яночка, спасибо тебе, девочка! За все спасибо! – сердечно повторяла она, обнимая и прижимая ее к своей груди. Голос у нее был очень приятный, и сама она была маленькая, симпатичная и аккуратная. В глазах у нее стояли слезы. Яна

погладила ее по плечу и поцеловала.

Вера Сергеевна ушла поговорить с врачом, а они втроем остались и молча стояли в замешательстве. Вадим не мог скрыть своего раздражения из-за присутствия соперника, зато на лице Алика вообще ничего невозможно было прочесть.

Дверь распахнулась, Вера Сергеевна стремительно вышла из кабинета им навстречу.

– Ребята, вы можете ехать домой! Спасибо вам. Мы еще здесь задержимся.

– Вадим, я завтра к тебе после школы зайду, – прощаясь, Яна поцеловала его в щеку.

– Позвони вечером, когда вернешься с бала, – попросил он.

– Я постараюсь, но завтра точно жди.

Сташевский уже развернулся и, не попрощавшись, направился к выходу, Яна помчалась за ним, а Вадим с тоской смотрел им вслед.

На улице было все так же скользко. Яна взяла Алика под руку, он сразу же напрягся, зато она могла спокойно идти, опираясь как будто на железо: рука его не разгибалась, и шел он неестественно прямо. «Ну как инопланетянин или робот», – усмехнулась Яна про себя.

– Росина, ты, к сожалению, одна из таких жертв моды, которые ходят на каблуках даже в гололед, – недовольно фыркнул Алик.

Они сели в троллейбус и сразу же превратились в чужих

людей. Она смотрела направо, а он – налево. Так и ехали всю дорогу.

– Ты проводишь меня до подъезда? – попросила Яна, скользя подошвами сапог по обледеневшей мостовой и делая вид, что не замечает его отчужденности.

– Можно, – сухо отозвался тот.

– И еще одна просьба: зайди за мной в шесть. Вместе пойдем на бал.

– Ну, еще чего не хватало! – изображая возмущение, Алик демонстративно отвернулся. Яна успела заметить на его лице мимолетную улыбку. – Попроси своих вздыхателей, пусть тебя сами провожают! Меня не будет в чередке твоих ухаже-ров, – презрительно хмыкнул он.

– Я не дойду сама, имей совесть, просто по-дружески, один разок можно? – настаивала Яна, понимая, что еще чуть-чуть, перегнет палку и может нарваться на резкость. От него ведь всего можно ожидать.

– А чего этот твой Робин – герой твоих, и не только твоих, тайных грез – не может за тобой зайти? – ехидно прищурился Алик.

Глаза Яны расширились, и краска залила лицо. Она никак не ожидала, что Сташевский так осведомлен о ее личной жизни.

– Чего ты вмешиваешься в мои дела? – возмутилась она.

– Потому что ты сама даешь повод для сплетен, – с издевкой произнес парень, но, увидев ее замешательство, переси-

лил себя и напустив равнодушие, примирительно заявил: – Впрочем, ты права, мне до этого нет дела, я зайду за тобой в шесть, только будь готова, я терпеть не могу ждать.

«Вот это да! – ликовала она – Совсем неожиданно! Ведь думала, что он не согласится».

Алик довел ее до подъезда и, не дав возможности что-либо сказать на прощание, резко развернулся и ушел.

Яна влетела в квартиру, начала лихорадочно собираться, металась по квартире: сбегала в душ, потом вывернула весь свой небольшой гардероб и все никак не могла решить, что ей надеть. Хотелось велюровые джинсы, но как это воспримут в школе? Мама пришла с работы пораньше, чтобы помочь ей собраться, и сразу же расставила все на свои места. Она выбрала синее короткое облегающее платье с темно-красными вставками, черные плотные колготки и, в тон красному, сапоги. Потом критически оглядела дочь:

– По-моему хорошо.

Яна подбежала к зеркалу.

– Да, нормально.

– Главное, чтобы костюмчик сидел, – улыбнулась Дина Павловна, – а он сидит как надо!

Яна засмеялась. Быстро подкрасила глаза, поправила свои кудри и попросила у мамы ее любимые духи – «Шанель №5».

– Тут за мной Сташевский обещал зайти в шесть, – как бы невзначай сообщила она, зная, что мама будет удивлена, и не ошиблась.

– Правда? Не может быть! Вот никак не ожидала. А в честь чего это он снизошел?

– Я его попросила, гололед ведь. – И она рассказала, что случилось с Вадимом.

– Бедный Вадик, – сокрушенно покачала головой Дина Павловна. – Ты хоть ему не говори про Сташевского, зачем его провоцировать. Я тоже приду позже, послушаю, как ты поешь.

Яна закусила губу. С одной стороны, ей очень хотелось, чтобы мама пришла, – более благодарного и критичного слушателя у нее не было. Дина Павловна всегда справедливо все отмечала, и они потом долго обсуждали каждое выступление. Но ведь и Роберт собирался прийти. Яна замялась.

– По-моему, там без родителей, – она опустила глаза. – Вечер начинается в семь. Но мне надо быть раньше, чтобы опробовать аппаратуру.

Звонок в дверь прервал их разговор. Алик Сташевский был, как всегда, предельно пунктуален, аккуратен и прилизан. Мама расплылась в улыбке.

– Алик, здравствуй, заходи, может, чаю?

– Добрый вечер. А что, Яна еще не готова? – бесстрастно спросил он.

– Готова, конечно, готова, – обескураженно закивала Дина Павловна.

– Передайте ей, что я ее жду внизу. – И ушел.

– Ну, как тебе твой любимчик? – язвительно засмеялась

Яна. – Есть в нем хоть что-нибудь живое?

– Ладно тебе, – голос у мамы потух. – Иди, он ждет.

– Росина, из-за тебя я прусь на час раньше на этот новогодний бал, который мне абсолютно неинтересен, – вместо приветствия проворчал Алик.

Яна уцепилась за его локоть, и они осторожно шли по направлению к школе.

– Ну все, – девушка разозлилась. – Ты всегда сначала делаешь доброе дело, а потом попрекаешь? Будь добрее и улыбайся!

– Я же не какой-то там жизнерадостный рахит, как некоторые, чтобы улыбаться без причины, – заметил Сташевский абсолютно бесцветным тоном и криво усмехнулся.

– Ты как раз абсолютный рахит, потому что не улыбаешься! – невозмутимо отреагировала Яна. – Между прочим, у тебя красивая улыбка, тебе идет, – и она заглянула ему в лицо. Уголки его губ невольно растянулись.

– Росина, ты найдешь подход к кому угодно.

В спортивном зале, где стояла елка, уже собрались музыканты, выступающие, учителя и некоторые из родителей. Яна оглядела присутствующих и заметила, что из ее класса были только Юлька, Таня и еще несколько девочек. Сташевский отошел в сторону, сел на стул, вытащил книжку из сумки и стал читать.

Ребята из музыкальной группы позвали Яну опробовать звук. Руководитель ансамбля, Володя Киреев, нервничал,

но старался не подавать виду.

– Начни с тяжелого. Давай «Арлекино». Только правильно бери дыхание.

Яна запела. Сташевский поднял голову. Юлька и девчонки тоже уставились на нее. Все перестали заниматься своими делами и слушали, как она поет.

– Так, стоп. Теперь «Куда уходит детство?», и можешь быть свободна, остальное будет нормально.

Яна снова запела.

– Чище, Яна, по верхам не дотягиваешь. Слышишь, Сережа тебе подпевает? Старайся с ним в унисон, чтобы голоса сливались. И дыхание бери правильно, помнишь, где я тебе расставил птички над словами?

Она кивнула.

– Все, иди успокойся, да не дрожи ты так, все у тебя получится! – Володя подмигнул ей.

Яна обычно пела с удовольствием, но всегда сильно волновалась перед выступлением. Вот и сейчас все поджилки у нее тряслись, а тут еще эта Юлька со своим ненавидящим взглядом.

Яна подошла к Сташевскому, больше было не к кому.

– Что читаешь? – чисто механически спросила она.

Алик оторвался от книги, поморщился и показал ей обложку:

– Клетка, молекула, ДНК – микромир человека, жизнь внутри организма.

– А-а-а, – протянула Яна. – Наверное, интересно.

Но ее всю трясло, и она не особо старалась вникнуть в предмет обсуждения.

– Росина, если ты так боишься, зачем выходишь на сцену? Адреналина в кровь хочешь, что ли? – с насмешкой спросил Алик.

– Я не знаю, как насчет арендалина, но я люблю петь, и говорят, у меня получается. Что, скажешь нет? – с вызовом спросила она.

Сташевский рассмеялся и ответил:

– Чукча ты, Росина, адреналина, а не арендалина. Это основной гормон мозгового вещества, выделяющийся при стрессовых состояниях, типа «бей или беги».

– Вечно ты умничаешь, Сташевский, теперь буду знать. Лучше скажи, как я пела? – с интересом спросила она.

– У меня абсолютный слух, и я не люблю советскую эстраду. Ты фальшивишь, не все ноты чисто берешь, но так, на ширпотреб, годится. – И он демонстративно уткнулся в книгу.

– Спасибо за поддержку, – фыркнула Яна и еще больше разволновалась. Вот-вот придет Роберт. А вдруг ему не понравится?

В спортзале стал собираться народ, все были нарядные, веселые, смеялись и разговаривали друг с другом.

Яна неотрывно смотрела на дверь, выглядывая Роберта, но его все не было. Зато она увидела маму с папой. Родители

помахали ей руками, войдя в зал. Все участники концерта волновались, нервно смеялись или ходили туда-сюда, повторяя слова, бубня себе под нос.

Вечер открыл директор школы, Георгий Никитич, и поздравил всех с наступающим Новым годом.

– Дорогие мои ученики, вы еще полгода пробудете в этих стенах, а потом вам предстоит долгий жизненный путь! Пусть он будет счастливым и удачным для вас! Человек притягивает к себе то, что он любит и чего боится. На что рассчитываешь, то и обретешь. Весь наш учительский состав все эти годы старался вложить в вас основы знаний, морали, чести, чтобы вы могли отличать главное от второстепенного и нести в мир добро и созидание. А в дальнейшем все зависит от вас. Мир не создан лишь для удовольствий. Он не всегда соответствует нашим представлениям и нашим желаниям. Тот, кто неспособен сделать доброе дело, не оценит добра и от других!

Яна очень внимательно слушала Георгия Никитича, она его очень уважала, да и не только она. Его любила вся школа. Директор пользовался заслуженным авторитетом у учителей, учеников и их родителей. Фронтовик, прошедший всю войну, он, как никто другой, понимал тяготы, выпавшие на долю детей из малоимущих семей, и чем мог, помогал им. Трудным подросткам всегда давал последний шанс, делая все возможное, чтобы не допустить передачи их в колонию. Просто он был замечательным человеком с добрым от-

звучивым сердцем и редкими душевными качествами. Зал притих. Речь директора произвела огромное впечатление на присутствующих. Когда он закончил, на секунду образовалась пауза, а потом все неистово зааплодировали.

Следующей выступила Надежда Александровна, завуч школы. Ее выступление было простым и банальным. В зале галдели и ее почти никто не слушал. После этого начался концерт. Яна нервничала, у нее все время пересыхало во рту, и она то и дело отхлебывала водичку из стакана. Мама периодически махала ей рукой, подбадривая и улыбаясь. Но девушка все искала глазами Роберта.

Концерт шел своим чередом: ученики рассказывали стихи, пели народные песни под аккордеон, мальчишки из параллельного класса надели балетные пачки и станцевали «Танец маленьких лебедей». Зал покатился со смеху.

Юлька рассказала новогоднее стихотворение, а потом очередь дошла и до Яны.

– Дорогие друзья, – начала она. – Я сейчас буду исполнять песню «Куда уходит детство?». Мы действительно прощаемся с ним. В этих стенах мы пока еще дети, но совсем скоро станем взрослыми. Но я не об этом... – девушка немного помолчала. – Я хочу посвятить эту песню нашему погибшему другу Юре Трошину. Многим его не хватает, недаром его называли школьным романтиком. Он прекрасно играл на гитаре и сочинял песни, но не успел написать новых и порадовать нас. Сейчас бы он стоял здесь вместе со мной, и мы бы

спели одну из его песен вместе, как раньше, – голос ее дрогнул. – Он навсегда остался в нашем детстве и никогда не повзрослеет. Но мы его запоем веселым и жизнерадостным, таким, каким он был.

В зале стало тихо. Заиграли первые аккорды, и Яна запела.

Куда уходит детство,

В какие города?

И где найти нам средство,

Чтоб вновь попасть туда?

Оно уйдет неслышно,

Пока весь город спит,

И писем не напишет,

И вряд ли позвонит...

Голос звенел по верхам очень трогательно и чисто. Яна пела так задушевно, так искренне, так проникновенно, что в зале многие прослезились. Но она смутно видела окружающее. Только смогла различить в толпе своих родителей и видела, как мама внимательно слушает и смахивает слезу, а папа с гордостью смотрит на дочь. Зал плыл, легонько кружился перед глазами, все лица сливались в единое целое. Вдруг ее рассеянный взгляд выхватил из этой многоликой толпы Роберта, стоящего у самого входа. Их глаза встретились. Лицо его было очень серьезным и задумчивым. Он смотрел на нее своим синим пронизывающим взглядом и тем самым поднял ее до таких эмоциональных высот, что она в конце песни не выдержала, и тихие слезы потекли по щекам. Зал взо-

рвался от аплодисментов. Яна поклонилась.

После выступления ее окружили ребята.

– Молодец, Янка!

– Росина, ну ты даешь!

– Умница!

Девушка закрыла лицо руками и отошла в сторону. Руководитель ансамбля обнял ее, приподнял и закурил.

– Умница ты моя! Спела лучше, чем на всех репетициях вместе взятых! Только далеко не отходи. Начнутся танцы – споешь еще несколько песен, поняла?

– Да-да, – закивала Яна. Чувства переполняли ее, эмоции захлестывали, сердце быстро колотилось.

«Это в крови гуляет адреналин, наверное», – подумала она. Теперь ей стало понятно значение нового слова, смысл которого ей чуть ранее объяснял Алик Сташевский. Нет, этот адреналин наверняка и раньше гулял у нее в крови, конечно, но она просто тогда не знала, что это он. Яна улыбалась своей открытой лучезарной улыбкой всем и одновременно искала глазами Роберта, но он как сквозь землю провалился.

К ней подошел Саша Погодин.

– Яся, Яся, ты... ты, – чувства переполняли его, и глаза были на мокром месте. – Когда ты сказала про Юру... Я так по нему скучаю, так скучаю, мне его не хватает... – И слезы покатались у него из глаз.

– Я знаю, Саша, мне тоже его не хватает, – Яна обняла его.

– Был Робин, ты его видела? – спросил Саша, утирая ладонью глаза и шмыгая носом.

– Да, когда пела, мельком. Где он? Куда пропал? – с нетерпением спросила девушка, смотря по сторонам.

– Он сразу же ушел. Я даже не знаю, как он прорвался.

– Ну, что, что он сказал? – не выдержала Яна.

– Он молчал, но его взгляд был красноречивей слов, я обратил внимание, как он смотрел на тебя, правда. А вообще он не раз говорил, что ты должна уехать отсюда и поступать в институт в Ленинграде, что наш город для тебя слишком мал...

– Значит, ему понравилось? – Яне хотелось слушать и слушать, что говорил о ней Роберт. Но вновь заиграла музыка. Начались танцы, и ее позвали на сцену. Она спела еще несколько песен, все веселились, ей безумно захотелось спрыгнуть со сцены в зал и побеситься вместе с остальными. Настроение зашкаливало, Яну просто распирало от радости, душа ликовала.

В перерыве к ней подошла мама:

– Доченька, я так горжусь тобой, так горжусь.

Яна вопросительно посмотрела на нее.

– Все было замечательно, даже папе понравилось! – с восторгом продолжала Дина Павловна.

– Ну, раз папе понравилось, тогда действительно было здорово! Папе ведь медведь на ухо наступил! – И они обе рассмеялись. – А где он, кстати? – удивилась Яна.

– Вышел на улицу, ему душно, и он терпеть не может громкой музыки, Говорит: «Бум-бум-бум, бум-бум-бум – что это такое? Разве это музыка?!» Яночка, я останусь, а папа пусть идет домой, ты же его знаешь!

И мама пошла на улицу. Яна побежала за ней и столкнулась со Сташевским.

– Хочу отметить, Росина, ты спела чисто, не фальшивила. Мне понравилось...

Он хотел еще что-то сказать, но в этот момент к ним подлетел Сашка Погодин и, ухватив Яну за руку, потащил на танцпол. Сташевский остался стоять в растерянной позе, напоминая памятник, построенный самому себе. Потом медленно сел и положил голову на руки. Все отрывались по полной программе, танцевали, подпевали музыкантам, смеялись, прыгали, дурачились. Песни сменяли одна другую. Яна обожала танцы и всегда выкладывалась до полного изнеможения.

И вдруг среди этого веселья взгляд ее выхватил застывшую фигуру Алика, неподвижно сидящего в одиночестве. Он совсем не шевелился, как будто его заморозили.

– Слушай, да что же это с ним? – удивилась Яна. – Почему он какой-то не такой?

– Я не хочу сплетничать, пусть это будет между нами, хорошо? – Саша заглянул ей в глаза, и Яна кивнула в знак согласия. – Просто его отец, капитан дальнего плавания, редко бывает дома, но когда приезжает, говорят, что напивается

до потери сознания, а потом измывается над матерью. Сейчас он как раз дома. Вот так вот, – вздохнул Сашка.

– Боже мой, какой ужас! – только и смогла вымолвить Яна, всплеснув руками. Кто бы мог подумать? Она представила маму Алика, Нелли Петровну, тихую интеллигентную женщину, плачущую от обиды и оскорблений. Ей стало пронзительно жалко Сташевского, она оставила всех и подошла к нему.

– Алик, ну что ты здесь сидишь один? Пойдем потанцуем, – с нежностью в голосе произнесла девушка, участливо дотрагиваясь до его плеча.

От неожиданности тот вздрогнул, как будто его разбудили от долгого летаргического сна, и сухо отрезал:

– Росина, я не танцую.

– Но почему? Танцы – это ведь тот же спорт! Ты же любишь ходить на тренировки? Так и тут, – уговаривала его девушка. – Что же ты сидишь здесь один, когда все веселятся?

Ансамбль заиграл медленную музыку. Это была как раз ее любимая песня – «Не умирай, любовь».

«Для меня нет тебя прекрасней, и ловлю я твой взгляд напрасно...» – у Вовы Киреева был очень приятный голос. Яна потянула Сташевского за руку. Тот дернулся, как от электрического разряда, но все же встал и поплелся за ней. От волнения парень никак не решался ее обнять, все время морщился и вздыхал, не попадая в такт музыке со своим идеальным слухом; топтался-топтался на месте и был так зажат,

что, казалось, превратился в бревно. В это момент он себя просто ненавидел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.